
С. А. ПАНАРИН

ГАРИБАЛЬДИ В РОССИИ: ТРАЕКТОРИЯ ОБРАЗА

Образ любого исторического деятеля никогда не остается неизменным, в сильнейшей степени зависит от времени и места – конкретно-исторического контекста его восприятия. В этом смысле очень показательна история образа Гарибальди в России. Она делится на три больших этапа: досоветский длился с 1860-х до начала 1920-х гг.; советский пришелся на 1920–1980-е гг.; постсоветский начался после 1991 г. и продолжается до сих пор. Образ Гарибальди в России эволюционировал по синусоиде: с 1860 до 1917 г. – подъем знания о великом итальянце при разнообразии мнений о нем; с 1917 г. до конца 1920-х гг. – пик популярности и однозначно положительное его восприятие; с 1930-х до начала 1990-х гг. – максимально широкое распространение знания при одновременном обеднении, клишировании образа. В современный период известность и популярность Гарибальди в России значительно упали. Все же, несмотря на неблагоприятную для романтических героев социально-психологическую атмосферу в российском обществе, образ Гарибальди пока сохраняется в сознании людей и остается положительным.

Ключевые слова: образ; контекст; Гарибальди как политический деятель, как воплощение принципа, как пример полноты жизни, как музейный экспонат, как масон; интервенционизм; историческое невежество; эскапизм.

Представления об исторических персонажах в значительной мере являются дериватом эпох, в которые они возникают, живут и меняются. Научное знание вполне способно собрать некий «скелет» фактов, признаваемых более или менее точными и объективными. Однако реконструкции по нему личности героя, тем более даваемые ей оценки вряд ли могут столь же уверенно претендовать на точность и объективность, как реконструкции по черепу внешности Ивана Грозного или Тамерлана (Тимура), сделанные знаменитым советским антропологом М. М. Герасимовым. Выходя за

пределы инстинктивных реакций, сознание прибегает не столько к фактам, сколько к образам; посредством их формируется и отношение к окружающему миру, и ответ на его вызовы (Бойцов, Экслер 2008: 6). «Образы правят миром» (Там же: 5). Историческая составляющая картины мира – не исключение. Персонифицируя прошлое в его конкретных деятелях, мы воссоздаем и интерпретируем лишь образы, по самой своей природе приблизительные и изменчивые. Причем каждый раз историко-культурный контекст воссоздания и толкования определяет как средства для этих операций, так и в очень значительной мере их конечный результат. Это справедливо по отношению к содержанию образов не только субъектов, но и объектов – стран и народов (Деотто б. г.). Другое дело, что образы общностей более расплывчаты и устойчивы во времени, чем образы лиц.

Необходимо учитывать и то радикальное изменение в отношениях исторического деятеля с контекстом, которое вызывается его смертью. Оно тем резче, чем насыщеннее действием была его жизнь. В этом смысле мало кто из современников мог сравниться с Гарибальди: он постоянно создавал, выражаясь современным языком, информационные поводы для внимания к своей личности, более того, своими действиями менял сам контекст ее восприятия. Но уже при жизни эта личность скрывается под оболочкой различных образов, ей не только приписываемых, но и предписываемых. С его смертью политики и художники, поклонники и хулители, творцы мифов и приверженцы строгой исторической критики создают новые поводы для внимания к его имени. Вместе они выступают в качестве совокупного информационного демиурга, вольно или невольно превращающего уникальную личность в серию *контекстуально типизируемых* образов¹. И чем дальше от Италии и Южной Америки, то есть от пространства деятельности Гарибальди, хранящего следы его свершений и потому воспроизводящего историческую память не только о герое, но и о человеке, от-

¹ Образцовое исследование процесса типизации образа можно найти в работе: Пономев 1999. Правда, речь в ней идет о личности мифической; зато контекст эпохи, которая породила и растиражировала миф, давший название феномену шовинизма, представлен очень хорошо. О типизации образов реальных исторических деятелей и целых социальных групп см.: Липатова, Голотин 2011: 92–94.

стоит тот или иной локус образотворчества, тем сильнее творимые в нем образы зависят *от времени* их создания.

Отталкиваясь от сказанного выше, я формулирую свой основной тезис следующим образом. История восприятия Гарибальди в России делится на три больших этапа. Первый из них, условно говоря, досоветский, длится с 1860-х до начала 1920-х гг.; второй, советский, приходится на 1920–1980-е гг.; третий, постсоветский, начался после 1991 г. и продолжается до сих пор. Контексту каждого этапа свойственен свой этический лейтмотив. Он служит призмой, сквозь которую преломляется знание о Гарибальди, и может быть передан, в свою очередь, образно, «слоганом» эпохи. Лейтмотив контекста первого этапа – универсалистский гуманистический: «Свобода, равенство, братство». Лейтмотив второго – релятивистский классовый: «Цель оправдывает средства». Лейтмотив третьего – индивидуалистический и эскапистский, даже асоциальный: «Человек человеку волк». Соответственно – и здесь следует парафраз из Ханны Арендт (1996: 290) – на первом этапе национальный герой Италии становится в России легендой, привлекающей других героев и героинь, поначалу только реальных, как русские гарибальдийцы вроде Льва Мечникова² и Александры Толиверовой-Якоби³, затем и литературных, как Павка Корчагин. В это время знание о нем, восторженное отношение к нему движется сверху вниз по социальной вертикали. На втором этапе оно остается и даже распространяется вширь, но сама личность Гарибальди редуцируется в клишированный образ буржуазного революционера – экспоната в музее освободительной борьбы, низводится

² Лев Ильич Мечников (1838 – 1888), брат русского микробиолога, нобелевского лауреата по медицине Ильи Мечникова, автор знаменитой книги «Цивилизация и великие исторические реки», а также «Записок гарибальдийца», опубликованных в 1861 г. в «Русском вестнике», вступил добровольцем в отряд гарибальдийца Джованни Никотеры и был ранен в сражении при Вольтурно. См. о нем: Евдокимов 1995: 5–28.

³ Александра Николаевна Сусоколова (1842–1918), по первому мужу – Тюфяева, по второму – Якоби, по третьему – Пешкова, литературный псевдоним Толиверова (по именам детей – Толи и Веры), – писательница, издатель детского журнала «Игрушечка». В 1867 г. была сестрой милосердия у гарибальдийцев, сумела передать записку заключенному в замке св. Ангела адъютанту Гарибальди Луиджи Кастелацци, после чего тому удалось бежать. До конца жизни хранила письмо от Гарибальди, напечатала воспоминания о нем в «Историческом вестнике». См. о ней: Горбунов 2012; Алтаев 1957: 272–316.

на уровень восприятия, лишённого энтузиазма (lukewarm), характерного для посредственности. На третьем этапе объём знания о Гарибальди резко сокращается, а образ его, когда он все-таки всплывает в дискурсе, начинает подвергаться атакам «худших» – тех, кто верит в «небылицы о работающих за кулисами ужасающих тайных силах» (Арендт 1996: 290).

Далее я постараюсь представить доказательства в пользу предположенного определения основного содержания выделенных мной этапов. Каждому из них отведен в статье свой раздел.

I

Почти все свидетельства, относящиеся к первому этапу, оставлены лицами, принадлежавшими к образованному классу, – политиками, писателями, литературными критиками, журналистами и мемуаристами. Известны – и то в передаче тех же людей образованных – лишь несколько свидетельств восприятия Гарибальди людьми из народа. Приведу одно из них, датируемое рубежом 1850–1860-х гг. (Кропоткин 1988: 153): «Даже накануне освобождения крестьяне сомневались, чтобы волю дали без давления извне. “Если Гарибалка не придет, ничего не будет”, – говорил как-то в Петербурге один крестьянин моему товарищу, который толковал ему, что скоро “дадут волю”. И так думали многие».

Как видно, накануне освобождения крестьян среди той их части, что проживала в городах и могла что-либо услышать о событиях, происходящих в Европе, из газет или от господ, распространился взгляд на «Гарибалку» как на вселенского радетеля униженных

и угнетенных – своего рода гаранта избавления от крепостной зависимости. Взгляд, следует заметить, скорее расчетливый, чем романтический, обусловленный надеждой на появление могущественного союзника извне. В свое время английский историк Джордж Рюде на конкретном историческом материале обосновал тезис

о том, что в XVIII в. парижский парламент и Общинный совет лондонского Сити, преследуя собственные цели, втягивали городское простонародье в политическую жизнь. Как следствие, периодически складывались ситуации, когда в обеих странах (Франции

и Англии) городские низы начинали по какому-либо поводу проводить протестные акции, помимо прочего, и потому, что рассчитывали на поддержку внешних институциональных патронов, в большей или меньшей степени несогласных с действиями исполнительной власти (Рюде 1984: 64–79). В России из-за отсутствия аналогичных институтов та часть городских низов, которую составляли оброчные крестьяне, искала, куда обратиться свои надежды, и успехи Гарибальди сделали его в глазах крестьян таким потенциальным патроном. Иными словами, даже став уже при жизни для определенной социальной группы почти фольклорным персонажем, Гарибальди интересовал эту группу в очень конкретном функциональном аспекте – как *субъект социального освобождения*.

Разумеется, актуальным данный аспект мог быть только до тех пор, пока предполагаемый патрон был жив. Поэтому более поздние свидетельства известности и, можно сказать, популярности Гарибальди в «низах» российского общества, переданные Максимом Горьким⁴ и Николаем Островским⁵, свободны от прагматического отношения: в них перед нами предстает образ, который служит одновременно и идеалом, и доказательством возможности воплотить идеал в жизнь. А в годы гражданской войны с ее широко разлившейся народной стихией имели место случаи неосознанного отождествления себя, красноармейской массы, с этим образом. Что нашло, например, отражение в названии одного из полков (имени Гарибальди!) той дивизии, которой командовал восхищавшийся Гарибальди Чапаев, сам вскоре сделавшийся (точнее, сделанный) образом и символом (Чапаева 2005: гл. 11).

Переместимся теперь выше по социальной лестнице. Довольно легко выделить различия в отношении к нашему герою людей, стоявших у власти, и интеллигенции, а внутри последней – различия

⁴ Имеется в виду его отрывок «Как я первый раз услышал о Гарибальди», завершающийся словами «короткий рассказ неизвестного крестьянина (о Гарибальди. – С. П.) глубже укоренился в моем сердце, чем все книги...» (Горький б. г.).

⁵ Книга «Как закалялась сталь» во многом автобиографична. И ее главный герой, Павка Корчагин, восхищается «Джузеппой Гарибальди», запоем читает книжки о нем и так определяет одно из главных достоинств своего кумира: «Он себе мастеровых набирал в компанию и все за бедных бился» (Островский 1955: 73).

между либералами и революционными демократами, западниками и почвенниками, и т. д. Я не буду, однако, останавливаться на них подробно, поскольку это было сделано В. Е. Невлером (1957а; 1966). Целый пласт образуют мнения крупнейших русских писателей – современников Гарибальди. Но они заслуживают отдельного рассмотрения; более того, и здесь кое-что уже выявлено и проанализировано, например, едва ли не все, что можно обнаружить в наследии Достоевского (Альтман 1968; Касаткина б. г.). Я сосредоточусь всего на нескольких фигурах, выбранных мною по принципу полноты раскрытия ими не только конъюнктурных политических, но и экзистенциальных особенностей восприятия Гарибальди в до-советской России.

Дмитрий Милютин в своих «Воспоминаниях» не обошел Гарибальди стороной. Будучи крупным государственным деятелем, совместившим преданность делу реформы сверху с безусловной лояльностью императору и уже потому – человеком придворным, впитавшим соответствующую этику поведения, но одновременно человеком либеральных убеждений, независимым и честным, Милютин по одному своему положению не мог сочувственно относиться к *способам действий* Гарибальди. Отсюда принижение им роли Гарибальди в объединении Италии: Милютин безоговорочно отдает пальму первенства Кавуру, называя его «главным деятелем», которому Италия «преимущественно была обязана своим объединением» (Милютин 1999: 223). Отсюда же легкий уничижительный оттенок, проскальзывающий каждый раз, когда он упоминает о сподвижниках Гарибальди, используя такие эпитеты, как *шайки, сброд, затеи, зажигательные речи* (Там же: 50, 222, 431). Вместе с тем не стоит забывать, что тогда эта лексика не содержала в себе, как сейчас, четко выраженного однозначно негативного оттенка. Кроме того, Милютин нигде не позволяет себе прямых выпадов в адрес самого Гарибальди, что может быть интерпретировано как имплицитное свидетельство признания царским министром реальной значимости человека, с некоторой иронией называемого им «народным трибуном» (Там же: 431), как *политического деятеля*, с которым необходимо считаться.

Константин Леонтьев, консервативный мыслитель и религиозный искатель, предсказавший несвободу и «горечь социалисти-

ческого устройства» (Леонтьев 1880), был так же далек от восхваления героя-демократа, как Милютин. Но, в отличие от практического политика Милютина, доктринер Леонтьев обращал в первую очередь внимание не на персону, а на ассоциируемый с нею принцип, и одобрял или не одобрял исторического деятеля постольку, поскольку принимал или как минимум не отвергал с порога идею, с его точки зрения воплощаемую этим деятелем. Гарибальди, «оставивший себе славу военными подвигами», помещается им в один ряд с Виктором Гюго, «воспевающим междуусобия и царубийства», с сектантами-квакерами, социалистами-утопистами, короче, со всеми теми, кто, «к несчастью» (курсив Леонтьева. – С. П.), заботится о всеобщем мире, гармонии и благоденствии человечества» (Леонтьев 1880). К несчастью – потому что забота эта направлена на личность как таковую, независимо от степени ее морального совершенства. То есть Гарибальди занимает русского мыслителя исключительно как *воплощение принципа* – абсолютно для него неприемлемого принципа «антрополатрии». Принцип этот Леонтьев определял как «новую веру в земного человека и в земное человечество – в идеальное, самостоятельное, автономическое достоинство лица и в высокое практическое назначение “всего человечества” здесь, на земле». А свое яркое выражение антрополатрия, по мнению Леонтьева, получила в том обожании «прав и достоинства человека, которое воцарилось в Европе с конца XVIII в. и, уничтожив в людях веру в нечто высшее, от них не зависящее, заставив людей забыть страх и стыдиться смирения, привело на край революционной пропасти... западные общества» (Он же 1882).

Николай Басаргин⁶, мелкопоместный дворянин по рождению, декабрист по выбору судьбы, посвятил Гарибальди две страницы в своей «Записке о современных событиях сельского жителя, возвратившегося из ссылки» (Басаргин 1985: 449–451). Этот текст, неизвестный современникам, примечателен в двух отношениях. Он представляет одну из первых в России попыток дать целостную

⁶ Николай Васильевич Басаргин (1799–1861), офицер при штаб-квартире 2-й армии в Тульчине, член Тульчинской управы Союза благоденствия, затем – Южного общества. Арестован 30 декабря 1825 г., осужден по II разряду, приговорен к 20 годам каторжных работ. В 1835 г. переведен на поселение, в 1857 г. вернулся в Европейскую Россию. Подробнее см.: Порох 1988: 3–46.

положительную характеристику личности Гарибальди – именно личности, человека, а не только политика и персонализированного воплощения политического принципа или идеи. В этом смысле старый декабрист – прямой предшественник народника Степняка-Кравчинского (см. ниже). В то же время он также одним из первых дал оценку Гарибальди, соотнесенную не с различными казусами российской жизни, как это делали и Чернышевский, и Добролюбов, и Благосветлов, и Достоевский, и Тургенев, и Салтыков-Щедрин⁷,

а с жизнью собственной. Поскольку перед тем как нарисовать привлекательный образ народного генерала, Басаргин с горечью утверждает, что признание исторического деятеля напрямую обусловлено его успехом в достижении поставленных целей. Не замечая, что этим утверждением столь симпатичный ему освободитель заносится в реестр истории в качестве такого же воплощения права победителя, как любой завоеватель.

Александр Герцен писал о Гарибальди не раз и нередко с искренним восхищением – например, называл его «мужем-геркулесом» Италии (Герцен 1958: 470), лицом, взятым целиком из Корнелия Непота и Плутарха, невенчанным царем народов, их упованием и живой легендой (Он же 1957: 254). Отношениям этих двух фигур, близости их политических воззрений и демократических убеждений посвящено тоже немало строк (Невлер 1966: 398–399; Прокофьев 1987: 352–361). Вместе с тем должного внимания со стороны исследователей, как мне кажется, не получило определение великого итальянца, брошенное Герценом в статье «Концы и начала»: «последний герой» (Герцен 1958: 475). Представляется, что это определение – опять-таки глубоко личное, указывающее на осознание его автором, что *исторический тип человека*, обладав-

⁷ Наиболее яркий пример такого соотнесения приведен у М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Современной идиллии» – в образе генерала Редеди, прототипом которого, как свидетельствовал сам писатель (Салтыков-Щедрин 1973: 350), стал известный генерал М. Г. Черняев, удачливый завоеватель Ташкента, неудачливый главнокомандующий сербской армией в 1876 г. и провальный генерал-губернатор Туркестанского края в 1882–1884 гг. В начале сербской эскапады Черняева часто отождествляли с Гарибальди. Салтыков-Щедрин был категорически не согласен с таким отождествлением; в Черняеве он увидел не благородного героя, а определенный социальный тип – смесь фанфаронства, авантюризма и невежественного национализма, который и вывел в образе Редеди. См.: Буринский 1975: 240.

ший чертами, недоступными для самого Герцена и оттого особенно для него привлекательными, уходит в небытие. В этих словах, специально выделенных Герценом курсивом, чувствуется та же ностальгия по жизни, рождавшей этот тип, – жизни корневой, цельной, не расчлененной специализацией, не пораженной язвой отчуждения, – что пронизывает знаменитую книгу Жюль Мишле «Народ», появившуюся 16 годами ранее (Мишле 1965).

Николай Добролюбов, этот, казалось бы, негибавший литературный боец с левого фланга русской общественной мысли – вот кто неожиданным образом воспринял жизнь и дела Гарибальди наиболее интимно, как *личный идеал* – манящий и... недостижимый. Завесу над таким восприятием он приоткрыл в письме к Некрасову от 23 августа (4 сентября) 1860 года (Добролюбов 1987: 353–354): «А что Вы жить-то рано стали, так это именно потому, я думаю, что сил было много, что рвались они наружу, кровь кипела. Вот у меня мало крови, жидка она, так и не жил я и не хотел настоящим образом жить. Что ж из того, что мои силы не тратились? <...> Да знаете ли, что если б я в свои 24 года имел Ваш жар, Вашу решимость и отвагу да Вашу крепость, я бы с гораздо большей уверенностью судил не только о своей собственной будущности, но и о судьбе хоть бы целого русского государства. <...> Вы мне прежде говорили, да и теперь пишете, что все перемалывается, одна пошлость торжествует, и что с этим надо соображать жизнь. Вы в некоторой части своей жизни были верны этой логике: что же вышло? Хорошо? Довольны Вы? Опять мне суется в голову Гарибальди: вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею; зато люблю читать каждую строчку, адресованную им к солдатам, к своим друзьям, к королю: везде такое спокойствие, такая уверенность, такой светлый тон!.. Очевидно, этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь, и должен быть счастливее нас с Вами при всех испытаниях, какие потерпел».

Передаваемое этими словами особое направление эволюции образа Гарибальди не может, как мне представляется, считаться производным от социального положения или политической позиции. Причина в другом – в самой жизни на холодной бескрайней равнине, в бессолнечной имперской столице, застроенной доходными дома-

ми-колодцами, где люди «от черного хлеба и верной жены» «бледною немочью заражены» (Багрицкий 1987: 199) и где сильнее гнета государства и бюрократии давит событийная и эстетическая бедность существования. Каким резким контрастом должна была казаться на таком фоне жизнь Гарибальди, бьющая через край энергией, насыщенная действием, разворачивавшимся то в экзотике южноамериканского фронта, то, наоборот, в настоящем заповеднике памятников высокой культуры! Недаром **Сергей Степняк-Кравчинский**, в своем известном очерке нарисовавший самый привлекательный из когда-либо созданных в России образов Гарибальди, специально подчеркивал, что тот творил свою жизнь как эпическую поэму, стремясь, наперекор обстоятельствам, подняться до высоты идеала. И потому «вся жизнь Гарибальди не только прекрасна, но именно художественно прекрасна (курсив мой. – С. П.)» (Степняк 1906: 63).

Рискну предположить: по крайней мере для двух авторов, которых можно отнести к обозначившейся перед Октябрьской революцией новой романтической струе в русской литературе, образ Гарибальди как воплощения полноты и красоты жизни стал своего рода точкой отсчета, с которой они отчасти соотносили (скорее всего, произвольно) свои художественные замыслы. Я имею в виду **Александра Грина** и **Константина Паустовского**. Приведу слова этих авторов.

Грин: «Моя жизнь протекала в сфере однообразия – ее следовало сделать разнообразной и пестрой. Я жил принудительными занятиями. Полное отсутствие принуждения или, в крайнем случае, работа случайная, разная – были мне более по душе. Вместо унылого сожительства с нелюбимой семьей я хотел милого одиночества или такого напряжения страстной любви, когда немислимо бодрствовать без любимого человека. Общество, доступное мне, состояло из людей-моллюсков, косных, косноязычных, серых и трусливых мужчин; их всех радостно променял бы я на одного, с неожиданными поступками и речами и психологией, столь отличных от знакомых моих, даже соотечественников, как юг разен северу» (Грин 1965: 322–323).

Паустовский: «У нас нет людей. У нас нет человека со страстью, смелостью, смехом, простого пленительного человека. Мы

все сидим по коробочкам. У нас, видите ли, дорогие товарищи, все эсдеки, эсеры, толстовцы, народники. Все спешат втиснуть себя в ящик с этикеткой и сосать свою принципиальную лапу. Из действительно великих и гневных идей мы выкраиваем свое – великую идею на русский лад и говорим о ней, говорим до тошноты, до того, что самим противно, до подлости. Вот страна грязи, тоски и варваров.

<...> Странствия – лучшее занятие в мире. Когда бродишь – растешь, растешь стремительно, и все, что видел, откладывается даже на внешности. Людей, которые много ездили, я узнаю сразу из тысячи. Скитания очищают, переплетают встречи, века, книги и любовь. Они роднят нас с небом. Если мы получили еще недоказанное счастье родиться, то надо хотя бы увидеть землю» (Паустовский 1935).

Разумеется, нельзя полностью отождествлять передаваемое этими отрывками отношение к российской действительности героев литературных произведений с отношением самих писателей. Как и выводить противопоставляемый этой действительности идеал исключительно из мифа о Гарибальди. Но я убежден, что и Грин, и Паустовский симпатизировали Гарибальди, хорошо знали его биографию и, выстраивая свой идеал, брали из нее готовые романтические детали. Грин своего героя, взбунтовавшегося против скудости провинциальной российской жизни, отправил туда же, куда в 1834 г. уехал Гарибальди, – в Латинскую Америку. Причем там бывший чиновник Петр Шильдеров, превратившийся в Диаса, встречает женщину, и своими качествами (сильная, яркая, независимая и непосредственная), и именем (Лолита) напоминающую первую жену Гарибальди Аниту Рибейра. Молодые герои Паустовского уходят от той же скудости российской жизни в эмиграцию напряженной эмоциональной жизни. Но это внутреннее бегство сворачивается в некое подобии экваториальных вод и гор – в точно не локализуемом (Одесса? Крым?) пространстве российского юга. Там есть приметы необычного: герои пьют сатурнинское вино, греки соседствуют с цыганами, русская девушка с соломенными волосами откликается на арабское имя Хатидже. И там молодые люди встречают старого итальянского скрипача и арфиста, которого называют не как-нибудь, а Гарибальди...

II

Как подсчитали Юрий Карелин и Натан Эйдельман (1984), с 1861 по 1908 г. сочинения Гарибальди⁸ или рассказы о нем – от биографических очерков типа произведения С. М. Степняка-Кравчинского и следовавших в его фарватере А. И. Цомакион (Цомакион 1892), И. Н. Игнатова (Игнатов 1906)⁹ и С. Ф. Русовой (Русова 1905) до бульварных «Кровавых приключений грозного атамана разбойников» и «Разбитой любви прекрасной итальянки» – издавались в России 539 раз. То есть в среднем 11 раз в году! Можно, пожалуй, утверждать, что с постепенным подъемом уровня грамотности в России образ «Джузеппы Гарибальди» как *борца за освобождение угнетенных* все более широко входил в сознание разночинной, революционно настроенной молодежи, а само его имя стало нарицательным – символом борьбы и победы дела освобождения. Об этом свидетельствуют и пылкие признания Павки Корчагина, и увлечения Чапаева, и – отрицательным образом – так называемый Муравьевский эпизод в истории Гражданской войны в Поволжье¹⁰. Конечно, в такой читательской среде образ Гарибальди не мог не упроститься, но он, во всяком случае, не утратил своей яркости, оставался притягательным и волнующим.

В сознании более искушенной читающей публики образ революционера был обогащен чертами человека гуманного и стихийно артистического, благодаря тому, что очерк Степняка-Кравчинского, делавший акцент на этих качествах великого итальянца, в 1919 г. был переиздан в революционном Петрограде. Единственным диссонансом здесь прозвучало написанное в 1923 г. стихотворение Эдуарда Багрицкого «Памятник Гарибальди» (Багрицкий 1987: 117–118). В нем нет ни одного из ставших уже привычными применительно к Гарибальди восторженных эпитетов. Фактически Багрицкий про-

⁸ На русский язык были переведены отрывки из его «Мемуаров», а также роман «Клелия», вышедший в 1870 г. под названием «Иго монахов, или Рим в XIX столетии» (Невлер 1966: 423).

⁹ Был дважды переиздан после 1991 г., тиражами в 1000 и 100 экземпляров соответственно (Игнатов 2001).

¹⁰ Имеется в виду мятеж, поднятый в июле 1918 г. командующим Восточным фронтом М. А. Муравьевым. Прибыв с верными ему частями в Симбирск, который он намеревался сделать столицей провозглашенной им Поволжской республики, Муравьев в речи, произнесенной на городской площади, сравнил себя с Гарибальди. См.: Савченко 2000; Королев 2004.

водит в нем линию прямой преемственности между волонтерами Гарибальди и Муссолини: и те и другие идут в поход, ведомые идеей, и уверены в силе насилия и в своем праве его применять, у первых – «нож пастуший и штык кровавый», у вторых – «нож и ночь» да «столб с петлею». И как предтеча вторых высится на своем обтесанном пьедестале предводитель первых – «страшный всадник» Гарибальди, превратившийся после смерти в «бронзового истукана»...

Что хотел сказать Багрицкий, создавая образ, столь резко контрастирующий с уже сложившейся традицией восприятия в России Гарибальди? Вряд ли сближение им гарибальдийских походов с фашистскими захватами городов (судя по упоминанию Альп, в первую очередь подразумевается, видимо, захват Больцано) объясняется сходством места и атрибутики. Представляется, что по этому руководило более сложное чувство.

Не раз было замечено, что «идеи, однажды возникнув, имеют... свою судьбу» и что «идея, проникшая... в массы... начинает существовать и развиваться по особым объективным законам, не имеющим ничего общего с субъективными намерениями и замыслами того, кто эту идею “бросил” в массы» (Лебедев 1989: 38, 50). Равным образом имеют свою судьбу и *формы реализации идеи*. Успех осуществления одной идеи соблазняет приверженцев другой, зачастую противоположной первой, воспользоваться доказавшей свою действенность формой. Соединив в своих походах демократический энтузиазм сторонников объединения Италии «снизу» с принципом *интервенции* – вмешательства в политику кабинетов так называемой «площади», то есть не имеющей формальной санкции в праве волонтерской массы, Гарибальди создал эффективную форму достижения поставленных целей. Однако эта форма – форма мобилизации на насилие во имя идеи – безразлична к самому содержанию идеи. Муссолини не составило труда заимствовать из наследия Гарибальди и жизненный активизм, объявленный им одним из столпов фашистской доктрины (Mussolini 1932), и интервенционизм¹¹, с помощью которого он и пришел к власти. Похоже,

¹¹ Ср.: «Особый итальянский стиль политики, утвердившийся со времен борьбы за объединение страны – мифы о Гарибальди, синдикалистская традиция, поразительная практика мобилизаций разнородных интервенционистских коалиций, делающих политику на площа-

что именно это приковало внимание Багрицкого, и, взглянув на героя как на миф, подаривший фашистам эффективную форму действия, даже как бы освятивший эти действия, поэт и изобразил Гарибальди зловещим «истуканом».

Что изменилось после того, как закончилась Гражданская война и части, названные именем великого итальянца, были распущены по домам? Имя Гарибальди в Советской России, затем в СССР, осталось на слуху; более того, с введением всеобщего семилетнего, а потом и полного среднего образования, знания о нем распространились очень широко – просто потому, что Гарибальди стал обязательным персонажем школьного учебника новой истории. В Москве, Харькове, Таганроге появились улицы, названные в честь Гарибальди. В последнем из этих городов, где, по словам самого Гарибальди, он «повстречался с молодым лигурийцем, от которого впервые получил некоторые сведения об освободительной борьбе» (Гарибальди 1966: 21), была поставлена памятная стела (впоследствии дважды переделанная) (Памятник... 2011). К 150-летию и 175-летию со дня рождения национального героя Италии почта СССР выпускает марки с его портретом. В популярной серии «Жизнь замечательных людей» двумя изданиями – в 1938 и 1957 г. – выходит книга Абрама Лурье о Гарибальди общим тиражом в 96 тысяч экземпляров (Лурье 1938; 1957). В 1958 и 1987 г. вновь переиздается биография Гарибальди, написанная Степняком-Кравчинским¹². С 1930-х г. начинается исследовательская работа крупнейшего советского специалиста по Гарибальди Владимира Ефимовича Невлера (основные работы: Невлер 1936; 1937; 1957; 1959; 1961; 1963; 1982). Итогом ее становится подготовка вышедшего в 1966 г. в престижной академической серии «Литературные памятники» научного издания полного текста «Мемуаров» Гарибальди, тираж – 23 тысячи экземпляров (Гарибальди 1966). Спустя десять лет появляется увесистая (560 страниц!) беллетризованная биогра-

дах, а вместе с ним риторика футуризма и Д'Аннунцио, затем Муссолини и фашистов (но также – социалистов-максималистов), в соединении с радикальным национализмом и империалистическими мечтаниями – все это сильно способствовало созданию политического климата, в котором фашизм явился в качестве политики нового типа» (Linz 2002: 49).

¹² В обоих случаях – во втором томе двухтомника сочинений, в неизменном виде выпущенного издательством «Художественная литература».

фия Николая Атарова и Магдалины Дальцевой, изданная уже трехсоттысячным тиражом, через два года вышло второе, стотысячное издание (Атаров, Дальцева 1976; 1978). В 1985 г. издательство «Детская литература» выпускает для юных читателей книгу Л. Вершинина тиражом в 100 тыс. экземпляров (Вершинин 1985). Наконец, уже на излете советской эпохи Д. Валовой, М. Валовая и Г. Лапшина издают сборник популярных очерков о героях, на заре советской власти удостоившихся включения в одобренный Лениным список тех, кому эта власть обязательно поставит памятник. В 1989 г. сборник, претенциозно названный «Дерзновение», выпускается издательством «Молодая гвардия» тиражом в 100 тысяч экземпляров, в нем есть и очерк о Гарибальди («Имя, подобное грому»). К этому перечню следует прибавить тексты о русских гарибальдийцах. Например, воспоминания М. Алтаевой-Ямщиковой о Толиверовой и дважды издававшуюся книгу детской писательницы Н. Кальмы о Льве Мечникове «Заколдованная рубашка» (Кальма 1960; 1985). Точное количество советских изданий, связанных с Гарибальди, мне, к сожалению, не удалось установить, но очевидно, что, на порядок уступая числу досоветских изданий, советские издания выигрывают по суммарному тиражу, приближающемуся к миллиону экземпляров.

Но если в советскую эпоху знание о Гарибальди проникло во все слои общества, образ его, доносимый этим знанием, заметно потускнел. Еще до революции Ленин четко обозначил суть *партийного* подхода к легендарному краснорубашечнику: великий буржуазный революционер, так же, как Робеспьер и Желябов, «поднимавший миллионы к цивилизованной жизни и борьбе с феодализмом» (Ленин 1979: 226). Иначе говоря, человек, образ которого вобрал в себя так много человеческого, с сектантской точки зрения даже вовсе несовместимого – «ребенок» и «лев», «флибустьер» и «народный трибун», прирожденный стратег и «наивный» политик, пылкий влюбленный и преданный друг, воин и гуманист, борец за свободу народа и командир, запрещающий своим бойцам стрелять в солдат угнетающей народ королевской власти, потому что они итальянцы, – этот человек был однозначно квалифицирован в узких классовых терминах, интерпретирован как стадийный феномен исторического процесса и *типологизирован* – по-

ставлен

в один ряд с оплотом террористической якобинской диктатуры и с главным организатором террора народовольцев.

В 1914 г., когда была произведена эта операция усекновения *человеческого* в образе Гарибальди, получившийся результат мог в лучшем случае считаться рекомендательным для немногочисленных тогда членов партии большевиков. С превращением большевизма в единственно верное учение ленинская характеристика стала обязательной для всех граждан Советского Союза, а всякое уклонение от нее легко могло быть приравнено к ревизионизму, оппортунизму и т. п. Еще в 1932 г. Николай Островский устами своего героя восхищается Гарибальди скорее по Степняку, чем по Ленину, – всего через 5–6 лет Невлер и Лурье выпускают книги о Гарибальди (первый – научную биографию, второй – популярную), выдержанные в строгом соответствии с ленинской типологизацией; даже в дни хрущевской «оттепели» оба при переиздании своих книг остаются верны партийному канону. Впрочем, эта осторожность неудивительна, если вспомнить, в какой атмосфере оба автора начинали писать о Гарибальди. Чтобы представить ее, достаточно прочесть опубликованную в пятом номере «Исторического журнала» за 1937 г. рецензию А. Шапиро на первую книгу Невлера «К истории воссоединения Италии» (Шапиро 1937). Книга была написана ходульным «правильным» языком со всеми необходимыми ссылками на классиков марксизма-ленинизма и разоблачениями буржуазии, царизма, «деспота Меттерниха» и т. д. Тем не менее Шапиро подверг ее форменному разгрому. Причем начал он с упреков автору за употребление слова «объединение» в качестве синонима «воссоединению», что рецензентом трактовалось как прямое игнорирование совершенно ясного указания «в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова на учебник всеобщей истории» о необходимости заменить формулу «объединение Германии и Италии» формулой «воссоединение Германии и Италии в самостоятельные государства» (Шапиро 1937).

Эпоха наложила четкий отпечаток на интерпретации образа Гарибальди. Возьмем, к примеру, книгу А. Я. Лурье, рассчитанную на широкую аудиторию. Автор ее четко следует подходу, при котором политический принцип внедряется в мораль и сама амораль-

ность перетолковывается как благо во имя достижения благородной цели. В соответствии с этим принципом он, например, приписывает Гарибальди чисто инструментальное отношение к крестьянам – дескать, тот стремился использовать их недовольство для целей национально-освободительной борьбы (Лурье 1957: 277). Едва ли такая оценка могла встретиться у Степняка, которому сама мысль об использовании народа показалась бы кощунственной если не по сути, как вынужденная необходимость, то уж точно в качестве открыто признаваемого политического принципа. Лурье также обильно цитирует критические замечания в адрес Гарибальди, прозвучавшие в переписке Маркса и Энгельса (Там же: 167, 233). (Только на этих двух авторов и приводятся в книге ссылки; всех остальных, в том числе и самого Гарибальди, Лурье цитирует без ссылок.) Он словно огораживается ими от возможных упреков невидимого оппонента. Правда, иногда хочется воскликнуть: пусть лучше так! По крайней мере, классики писали живо и без анахронизмов, тогда как у Лурье можно встретить совершенно восхитительные штампы-характеристики «флибустьера» и «трибуна», словно списанные с советского стахановца или красноармейца или взятые из «Морального кодекса строителя коммунизма». Например (Лурье 1957: 199): «Гарибальди... старался передать своим солдатам те исключительные качества, которыми обладал сам: беззаветную храбрость, любовь к родине, ненависть к ее врагам, трудолюбие, дисциплинированность».

Только у Атарова и Дальцевой Гарибальди наделен живыми человеческими чертами. Хотя их книга слаба в собственно художественном отношении, романная форма позволила им сказать то, на что не решались авторы научных и научно-популярных текстов¹³. Их Гарибальди – не только «пламенный революционер», но и *вели-*

¹³ Нужно иметь в виду еще и следующее. Соавторы-супруги отличались выраженным либерально-гуманистическим уклоном. Николай Атаров был первым главным редактором журнала «Москва» в 1956–1957 гг. и был снят с этого поста за отход от партийной линии. Он – автор одной из лучших книг периода «оттепели» – «Повести о первой любви». Магдалена Дальцева, дочь директора Малого театра, была довольно «плодовитым» писателем, трижды отметилась в серии «Пламенные революционеры»: соавтор в книге «Опоясан мечом», единоличный автор произведений «Счастливый Кит. Повесть о Сергее Степняке-Кравчинском» (1979) и «Так затихает Везувий. Повесть о Кондратии Рылееве» (1982). См.: Атарова 2001.

кий человеколюбец, его преданность идее освобождения Италии лишена мадзиниевского фанатизма, он хочет стоять в одном ряду не с Робеспьером, а с аббатом Парини¹⁴, любовь и «наивная» вера для него сильнее политического расчета и т. д. (Атаров, Дальцева 1976: 17, 261, 262, 351 и др.) Однако книга «Опоясан мечом» так и осталась исключением. Даже в совсем уже позднесоветском тексте Валового, Валовой и Лапшиной мы находим то же привычное, стереотипное изложение жизни и деяний Гарибальди, что и в других сочинениях советской эпохи. Вряд ли авторы боялись цензуры и оргвыводов – времена были уже не те: существовала почти полная свобода слова. Видимо, они просто торопились уложиться в договорные сроки...

III

В постсоветское время к традиционным средствам коммуникации добавился Интернет. С его появлением доступ к информации значительно упростился. В том числе и к информации, которая прежде была недоступна широкой публике – содержалась в библиотеках в так называемых спецхранах и выдавалась исключительно узкому кругу специалистов по особому разрешению. Это могла быть информация, имеющая какое-либо отношение к государственной тайне; но едва ли не чаще закрытыми оказывались сведения, которые, по мысли идеологических цензоров, могли смутить политически незрелые души. Скажем, бросить тень на светлый облик того или иного персонажа прошлого, числившегося среди персонажей положительных. С другой стороны, сначала перестроечная разоблачительная волна, а затем уже рыночное «пожелтение» российских СМИ способствовали формированию устойчивого спроса на «грязное белье» великих людей, и Интернет дает отличную возможность для его удовлетворения. В то же время ширящаяся оцифровка печатных текстов делает моментально до-

¹⁴ Джузеппе Парини (1729–1799), поэт, горячий сторонник независимости Италии. В то же время был убежденным гуманистом, резко отрицательно относился к террору и насилию. В период существования Цизальпинской республики Парини, высмеявший в поэме «День» пороки аристократии, в ответ на призыв кричать: «Да здравствует республика, смерть аристократам!», ответил: «Да здравствует республика, смерть никому!» А после удаления распятия из помещения городского совета Милана публично заявил: «Где Христос не гражданин, там не гражданин и Парини!» См.: Guiseppe... n.d.

ступными многие результаты исследовательской работы, равно как и публикации заслуживающих доверия источников об исторических деятелях. Поэтому, переходя к третьему этапу, рассмотрим, какую информацию выдают запросы в Интернете.

Общее количество результатов, полученных 28 января 2012 г. в поисковой системе Google при поиске упоминаний о Джузеппе Гарибальди только на русском языке и за период с 1 января 2007 г. по 1 января 2011 г., составило 66,1 тыс. Буквально это означает, что за указанное пятилетие в базе данных Google русскоязычной части Интернета было размещено именно столько прошедших индексирование электронных записей со словосочетанием «Джузеппе Гарибальди». Аналогичные результаты по запросам относительно двух других исторических деятелей, чьи имена прочно связываются с делом национального воссоединения, выглядят следующим образом: Бенсо Кавур – всего лишь 0,7 тыс., зато Отто Бисмарк – 196 тыс., в три раза больше, чем Гарибальди. Поскольку количество размещений с упоминаниями персонажа истории можно считать отражением интереса к нему того сегмента общественного сознания, который образуют пользователи Рунета, получается, что в данном сегменте Гарибальди по проявляемому к нему интересу далеко опережает Кавура, но заметно отстает от Бисмарка.

А вот *при наборе латиницей* в поисковой строке имен тех же персонажей на их родных языках (Giuseppe Garibaldi, Benso Cavour и Otto Bismarck) и при аналогичном по условиям поиске *во всем Интернете* получается иная картина. В этом случае с трехкратным отрывом лидирует уже не Бисмарк, а Гарибальди (9 млн 700 тыс. результатов), Бисмарк занимает второе место (3 млн 130 тыс.), Кавур – снова третье (1 млн 160 тыс.). Другими словами, в нерусско-

язычном Интернете по вызываемому интересу сейчас первенствует народный генерал и человек художественно прекрасной жизни, творивший национальное единство «снизу», в русскоязычном – железный канцлер, человек, хотя и отдавший дань студенческим пирушкам и дуэлям, но к зрелому возрасту со всякой романтикой решительно распрощавшийся, методично добивавшийся национального единства «сверху». Можно сказать и так: в мире латиницы более популярен исторический деятель, с именем которого ас-

социруются свобода, самостоятельность и демократическая инициатива личности, в мире кириллицы – тот, чье имя неразрывно связано с представлением о целеустремленной всепоглощающей власти.

В содержательном плане информация, получаемая по ссылкам на первых десяти страницах упоминаний Гарибальди в Рунете, складывается из трех частей. Ее основной массив состоит из кратких биографических справок. Присутствуют также электронные версии мемуаров Гарибальди и ряда упоминавшихся мной популярных очерков о нем. Есть также единичные заметки «вокруг Гарибальди», например, о том влиянии, которое его одеяния оказали на женскую моду (Деспи 2011). В целом же, если судить по Рунету, включая размещаемую в нем информацию о выпускаемых и продаваемых книгах, и по электронным каталогам Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки, за все годы после 1991-го к российской гарибальдиане добавились: одна переводная книга итальянского автора (Модена 2009), одна – французского (Галло 1998), две отечественных научных статьи (Серова 1996; Муромцева 2002), одно эссе (Сергиевский 2008) и несколько текстов в интернет-банке рефератов, по качеству исполнения приближающихся к научному нарративу. И все!

Итак, если говорить об *объеме* информации о Гарибальди, очевидно, что по этому показателю «вклад» постсоветской России несопоставим – попросту ничтожен! – с тем массивом знаний о великом итальянце, что был накоплен на двух предшествующих этапах. (Правда, следует еще раз подчеркнуть, что благодаря Интернету немалая доля сведений о нашем герое стала для человека интересующегося куда более доступна, чем раньше.) Но если обратить внимание на содержание электронных текстов о Гарибальди, то выяснится, что постсоветская эпоха все-таки добавила к его образу некоторые новые черты. И черты эти, если принимать их на веру, делают Гарибальди в глазах людей, не искушенных историческим образованием, мягко говоря, менее симпатичным, чем мы привыкли его видеть.

В статье о Гарибальди, размещенной в англоязычной Википедии, всего в двух строках сказано о его масонстве в отличие от

русскоязычной, где этой теме посвящен специальный раздел, в котором сообщается, что Гарибальди в конце жизни стал Великим иерофантом одновременно и Восточного Устава Мемфиса, и Египетского Устава Мицраима и способствовал их слиянию. Оценки этим фактам безымянный автор статьи о Гарибальди не дает, но зато приводит «ориентирующие» ссылки, в том числе и на главного российского конспиролога, заведующего кафедрой социологии международных отношений МГУ профессора **Александра Дугина**. (Такой его статус – сам по себе ярчайшее свидетельство интеллектуального кризиса в современной России, деградации ее системы высшего образования.) Не следует забывать о давно и широко распространенной в России вере в существование некоего жидомасонского заговора, которым ее адепты объясняют все кризисы и катастрофы в истории России последних двух-трех столетий. Что касается конкретно названных выше уставов, то Дугин в работе, на которую ссылается автор статьи в русской Википедии, подвергает их беспощадной критике. Делается это им, как всегда, по методу, перенятому, видимо, у Льва Гумилева и возведенному даже не в квадрат, а в четвертую степень. Суть «метода» может быть кратко передана таким образом: аксиология бесконечно выше логики, суждение – все, доказательство – ничто.

Вот что пишет Дугин о некоем «тайном ордене Атлантики», с которым отождествляет и устав Мемфис-Мицраима (Дугин 2009): «Тайный Орден Атлантики имеет древнейшую историю. Некоторые авторы-традиционалисты возводят его к древнеегипетским инициатическим обществам и особенно к секте почитателей бога Сета... Позже секта Сета слилась с различными финикийскими культами, особенно с кровавым культом Молоха... эта секретная организация существовала и много веков спустя после гибели финикийской цивилизации. Она носила в Средневековой Европе название секты “менестрелей Морвана”... Грасе д’Орсе утверждал, что Реформация Лютера была проведена по указанию этой секты и что протестанты... до сих пор находятся под ее воздействием. Жан Парвулеско полагает, что Джузеппе Бальзамо, знаменитый Калиостро, был одним из важнейших агентов именно этого тайного Ордена, вышедшего на поверхность в конце XVIII-го века под маской иррегулярного “египетского” масонства обряда Мемфис,

позже Мемфис-Мицраим. Такая символическая предыстория атлантистов характеризует сущность их геополитической и культурно-экономической стратегии. Смысл ее сводится к акцентированию “горизонтальных” ценностей, к выдвиганию на первый план низших аспектов человеческого существа и общества в целом. Это не значит, что атлантизм тождествен вульгарному материализму, но... “материальный”, чисто экономический, торговый аспект человеческой деятельности занимает в нем центральное место. Сведение системы ценностей к чисто человеческому уровню предполагает индивидуализм и радикальный антропоцентризм, свойственный атлантизму во всех его проявлениях, и параллельно этому сведению с необходимостью возникает характерный “атлантический” скептицизм и депрессивная ирония по отношению к идеальному, сверхчеловеческому измерению жизни.

Если принять точку зрения автора процитированного отрывка, получается, что освободитель Италии следовал низменному материалистическому учению, восходящему к грубым языческим культам. И если не в глазах всех читателей Википедии, то в глазах тех из них, кого можно причислить к истовым неофитам православия, – не говоря уже о тех, кто прошел через многочисленные семинары г-на Дугина или прочитал его многочисленные опусы, – образ Гарибальди перестает быть таким же цельным и светлым, каким он был до сих пор в России. Ибо на него ляжет ужасное «пятно Мемфис-Мицраима». Даже если нетерпимые поборники духовной чистоты и питомцы Дугина прислушаются к словам самого Гарибальди, для которого ритуалы и тексты масонства мало что значили по сравнению с возможностью, пользуясь масонской сетью, найти

и объединить людей демократической, антиклерикальной и интернационалистской направленности в единую трансграничную силу (Garibaldi 2002), образ его все равно лишится прежнего обаяния.

Другой автор, скрывшийся под псевдонимом «Пилигрим», разместил на официальном сайте «первого в России журнала по криптоистории» пространный комментарий к упоминавшейся выше вполне академической статье Муромцевой (Наследство... 2010). В нем, опять кратко сказав о масонстве Гарибальди (правда, скорее в положительном, чем отрицательном смысле), он затем выдает пуб-

лике два смелых, уже отнюдь не академических вывода. Согласно первому Гарибальди в 1863 г. возглавил Верховный Совет Палермо, а тот, мол, был не чем иным, как органом, контролировавшим всю сицилийскую мафию и направлявшим ее действия. Для чего это было нужно Гарибальди, автор толком не объяснил, как и не привел убедительных доказательств, но ложку дегтя добавил...

Согласно второму выводу, Гарибальди был предтечей фашизма. В подтверждение Пилигрим приводит три восхитительных довода. Во-первых, Гарибальди якобы называл свои отряды «фаши» (*fasci*) – «связками». В действительности в переносном смысле это слово стало употребляться только в начале 1890-х гг.¹⁵, то есть уже после смерти Гарибальди; в числе тех, кто ввел такое его употребление, был Гарибальди Боско¹⁶, и Пилигрим, видимо, просто перепутал одного Гарибальди с другим. Но если бы даже Джузеппе Гарибальди и называл подразделения своих «краснорубашечников» *fasci*, такое наименование никоим образом не доказывает, что он вкладывал в него тот же идейный смысл, что и Муссолини. Во-вторых, он одел своих волонтеров в униформу, от будущей фашистской отличавшуюся только цветом (красный, а не черный). Здесь мы находим неожиданную переключку со стихотворением «Памятник Гарибальди», только, в отличие от Багрицкого, увидевшего преемственность в *способе действия*, Пилигрим делает смелое умозаключение, исходя из сходства *внешних атрибутов*. В-третьих, некоторые из сподвижников Гарибальди, дожившие до похода Муссолини на Рим, вполне одобрили это предприятие. Пилигрим, видимо, полагает, что люди не меняются: какими были в 20 лет, такими непременно останутся и в 60. Что же, сам Гарибальди во многом подтверждает это мнение; но история пестрит куда более многочисленными примерами радикальной смены

¹⁵ В это время на Сицилии развернулось движение виноградарей, рабочих серных копей, городских рабочих и ремесленников, объединившихся в союзы трудящихся – *fasci dei lavaratore*. О нем см.: Кин 1973: 133–136.

¹⁶ Росарио Гарибальди Боско (1866–1936), родившийся на Сицилии политический деятель и писатель, основал фаши Палермо; был столь ярким сторонником социалистической идеи, что, вернувшись в августе 1892 г. с Учредительного съезда Социалистической партии Италии, принципиально «очистил» свое детище от анархистов (см.: Seton-Watson 1967: 161).

убеждений молодости на противоположные. В том числе и история Рисорджименто – достаточно вспомнить имя Франческо Криспи¹⁷.

И все-таки главное изменение, произошедшее в России с Гарибальди после 1991 г., заключается не в очернении его образа, а в его постепенном забвении. Что из того, что в Рунете можно прочесть не один десяток однообразных текстов о нем, в основном повторяющих советскую трактовку! Проблема в том, что их просто *не читают*, потому что описываемый герой их не привлекает. С точки зрения молодежи, Гарибальди принадлежит прошлому, а прошлое стремительно отдалается от настоящего, в разгар потребительского бума, пережитого Россией в первое десятилетие XXI в., становится неинтересным, наводящим скуку, ненужным и быстро забываемым. Об этом свидетельствует имеющаяся в распоряжении автора коллекция умильных по невежеству ответов на экзаменах, зачетах, тестах по истории России студентов неисторических специальностей Ульяновского государственного университета. Студенты называют Рюрика Юриком, а его летописного брата Трувора – Туборгом (по марке пива), путают Сталина со Столыпиным, Ельцина с Брежневым, Куликовскую битву 1380 г. с битвой на Курской дуге 1943 г. («встретились две танковые армии, во главе одной стоял Пересвет, во главе другой – Челубей»), не могут даже вспомнить, когда была Октябрьская революция и что это вообще такое. Причем Ульяновский университет вполне можно признать средним – не хуже и не лучше многих провинциальных вузов, поэтому картину он дает, на мой взгляд, типичную. В своем антиисторизме молодежный сегмент российского общества стремительно приближается к обществу американскому, где история никогда не была в чести¹⁸. С точки зрения же значительной части людей постарше, Гарибальди – герой Запада и потому *не*

¹⁷ Начав свою политическую карьеру в качестве видного деятеля гарибальдийского крыла «Партии действия», Криспи в 1890-е гг., в бытность его премьер-министром, «прославился» разгромом движения «фаши» в родной ему Сицилии, жестоким подавлением выступлений городских трудящихся в Северной Италии и «исключительными», по лекалу Бисмарка, законами против Социалистической партии Италии (Кин 1973: 131–137).

¹⁸ См. в этой связи размышления Юрия Брегеля, выдающегося российского тюрколога, эмигрировавшего в США еще в советское время... (Bregel 1996).

должен быть популярен в России. Современное российское общество заикнуто на себе; если оно и интересуется историей, то почти исключительно историей российской и, если можно так выразиться, антироссийской. Пожалуй, никогда ранее русоцентричное восприятие мира не достигало в России такого размаха: по представлениям значительной части ее населения весь мир спит и видит, как бы России навредить, что имплицитно означает: вся вселенная крутится вокруг России. Соответственно все, исходящее извне – в настоящем ли, в прошлом ли, неважно, – априори оказывается под подозрением.

Герои прямого и открытого действия, то есть герои типа Гарибальди, не востребованы и среди живущих только настоящим невежественных гедонистов, и в той, путинской, части России, где правит бал сознание, пропитанное алармизмом и зараженное ксенофобией, приверженное единой, упрощенной, мифологизированной и компенсаторной версии истории. И это сознание эскапистское – сознание людей, уходящих от самой мысли об ответственности за прошлое. Как прекрасно сказал в одном из своих выступлений известный российский социолог Борис Дубин, «прошлое выступает формой алиби для советского человека... “Нас там не было, дайте нам такую версию, которая нас всех устроит”. За этим неучастием в прошлом для социологов скрывается неучастие в настоящем» (Бомсдорф, Бордюгов 2008: 23). Но неучастие в настоящем равнозначно отказу от ответственности за живущих в этом настоящем, в том числе и за себя. А раз и «я», и «мы» ни за что не отвечаем, то кто ответственен за события? Конечно же, «они», «другие». Эскапистское сознание за всяким изменением видит внешнюю, чуждую силу, часто просто заговор, в любом самостоятельном бескорыстном поступке выискивает либо умысел Вашингтона, либо непременно подлый личный мотив. Вместе люди вне истории и поклонники истории сугубо конспирологической составляют сейчас большинство современного российского общества.

В подтверждение явной тенденции к забвению Гарибальди приведу результаты проведенных в 2011 г. экспресс-опросов сту-

дентов Ульяновского, Алтайского (Барнаул) и Дальневосточного (Владивосток) университетов¹⁹. Всего было опрошено 69 человек, из них только два были историками, остальные – дизайнерами, регионоведами, юристами, философами, филологами, журналистами, биологами, химиками, экологами и математиками. Студентам предлагалось в течение трех-пяти минут дать ответ на следующие вопросы: 1) кто такой Гарибальди, 2) в какое время и в какой стране он жил и 3) чем он известен.

На первый вопрос «не знаю» ответили 26 человек, или 38 %. Еще один предположил, что это какое-то блюдо, другой сказал, что есть такой коктейль, а двое сосредоточились на половой принадлежности, признав Гарибальди «мужчиной»/«мужиком». Ответы 39 считающих, что знают, кто такой Гарибальди, располагаются в диапазоне от «какого-то типа из учебника истории», «хорошего человека», «знаменитого человека» и «героя» до «кинорежиссера», «поэта», «писателя» и «ученого». Все же чаще других – 11 раз, что составляет 16 % от общего количества опрошенных и 28 % от числа «знающих» – всплывало в той или иной форме определение «революционер»: просто «революционер», «итальянский революционер», «автор революционных произведений» и «возглавлял каких-то там революционеров». На втором месте – 6 упоминаний, соответственно, 9 и 15 % – политическое определение: «премьер-министр», «правитель Италии», «политический деятель» и «оппозиционер».

Что касается времени жизни, то два студента, определившие Гарибальди как «легенду Италии» и «героя итальянских мифов», поместили его: первый – просто в «давние времена», второй – в Древний Рим или Средневековье; по одному из ответов Гарибальди жил в первой половине XX в. и боролся с Муссолини; большинство же указавших время отнесли Гарибальди к XIX в. Национальность Гарибальди правильно назвали 34 человека из 39 (87 %), трое посчитали его испанцем, двое колебались, к Италии или к Испании его следует отнести, а один ограничился тем, что

¹⁹ Опросы проводились преподавателями соответствующих вузов: в УлГУ – Надеждой Липатовой, в АлтГУ – Ириной Бочкаревой, в ДВФУ – Надеждой Цой. Автор выражает им глубокую благодарность за сбор и первичную обработку опросного материала.

поселил Гарибальди «в хорошем городе Париже». Известность же нашему герою принесли участие в революциях и войнах, борьба за единство страны и ее освобождение, за справедливость, за народ и права людей – такого рода ответы дал 21 человек, то есть 30 % от общего количества респондентов, и 54 % – от численности тех, кто что-то знает о Гарибальди. При этом четверо (значит, не только историки!), точно указали, в чем причина известности – вспомнили о южноамериканской эпопее Гарибальди, его участии в революции 1848 г., о походе «тысячи» и борьбе за воссоединение Папской области с Италией. Остальные 48 человек либо признавались в неведении, либо фантазировали о достижениях Гарибальди в науке и искусствах; некоторые выходили из положения, заявляя, что известен он «подвигами» или «своей работой», а в одном ответе было лаконично сказано: Гарибальди был известен потому, что был «крутой».

* * *

Наложённая на шкалу времени, траектория эволюции образа Гарибальди в России выглядит классической синусоидой: с 1848 до 1917 г. – резкий подъем знания о нем при большом разнообразии мнений (от лаццарони до апостола свободы, от воплощения идеи до воплощения полноты жизни); с 1917 г. до начала 1930-х гг. – пик популярности и однозначно положительного восприятия; с 1930-х до начала 1990-х гг. – максимально широкое распространение знания при одновременном его обеднении. Что касается современного периода, начавшегося после 1991 г., то небольшое количество опрошенных студентов не позволяет делать категорические выводы; тем не менее с уверенностью можно высказать два предположения, представляющихся мне близкими к действительности. Предположение первое: известность и популярность Гарибальди в современной России настолько сильно упали, что слово «забвение» скоро, вполне вероятно, станет достаточно подходящей оценкой. Предположение второе: несмотря на специальные усилия конспирологов и общую неблагоприятную для романтических героев социально-психологическую атмосферу, царящую в российском обществе, тот сделавшийся довольно расплывчатым образ Гарибальди, что еще сохраняется в сознании молодежи, остается

все-таки образом положительным. И положителен он скорее по Степняку-Кравчинскому, чем по Ленину.

Литература

Алтаев, Ал. (Алтаева-Ямщикова, М. В.). 1957. Шестидесятница. В: Алтаев, Ал., *Памятные встречи* (Серия литературных мемуаров) (с. 272–316). М.: ГИХЛ.

Альтман, М. С. 1968. Этюды о романе Достоевского «Бесы». *Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей»*. Т. 5. М.: Молодая гвардия. URL: <http://bibliotekar.ru/Prometey-5/30.htm> (дата обращения: 19.01.2012).

Арендт, Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: Центрком.

Атаров, Н., Дальцева, М. 1976, 1978. *Опясан мечом. Повесть о Джузеппе Гарибальди*. Серия «Пламенные революционеры». М.: Политиздат.

Атарова, К. Н. 2001. *Вчерашний день. Вокруг семьи Атаровых-Дальцевых: Воспоминания. Записные книжки. Дневники. Письма. Фотоархив*. М.: Радуга.

Багрицкий, Э. 1987. *Стихотворения и поэмы*. М.: Правда.

Басаргин, Н. В. 1985. Записка о современных событиях сельского жителя, возвратившегося из ссылки. В: Басаргин, Н. В., *Воспоминания, рассказы, статьи*. Серия «Полярная звезда». Документы и материалы (с. 449–451). Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд-во.

Бойцов, М. А., Эксле, О. Г. 2008. Предисловие. В: Бойцов, М. А., Эксле, О. Г. (ред.), *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время*. М.: Наука.

Бомсдорф, Ф., Бордюгов, Г. (ред.). 2008. *Прошлое: российский и немецкий подходы*. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI.

Буринский, Е. Ф. 1975. Два слова о М. Е. Салтыкове. *М. Е. Салтыков в воспоминаниях современников*: в 2 т. Т. 2. 2-е изд. М.: Худ. лит-ра.

Вершинин, Л. А. 1985, 1991. *Рим или смерть. Повесть о Гарибальди*. М.: Дет. лит-ра.

Галло, М. 1998. *Джузеппе Гарибальди*. Ростов н/Д.: Феникс.

Гарибальди, Дж. 1966. *Мемуары* / пер. В. С. Бондарчука и Ю. А. Фридмана; статья и коммент. В. Е. Невлера. Серия «Литературные памятники». М.: Наука.

Герцен, А. И.

1957. Былое и думы. Ч. 6. В: Герцен, А. И., *Соч.*: в 9 т. Т. 6. М.: ГИХЛ.

1958. Концы и начала. Письмо первое. 16 июня 1862. В: Герцен, А. И., *Соч.*: в 9 т. Т. 7 (с. 463–475). М.: ГИХЛ.

Горбунов, Ю. А. Б. г. Писательницы России (материалы для биобиблиографического словаря). URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/sl-15.htm> (дата обращения: 20.08.2012).

Горький, М. Б. г. Как я первый раз услышал о Гарибальди. URL: <http://www.maximgorkiy.narod.ru/ОТН/garibaldi.htm> (дата обращения: 03.10.2011).

Грин, А. С. 1965. Далекий путь. В: Грин, А. С., *Собр. соч.*: в 6 т. Т. 2. (с. 317–331). М.: Правда.

Деотто, П. Б. г. Контекст итальянского текста в русской литературе XIX – начала XX века. URL: patriziadeotto.it/articoli/kontekst.doc (дата обращения: 03.10.2011).

Деспи, Н. 2011. Какой вклад внес Джузеппе Гарибальди в современную моду. URL: shkolazhizni.ru/archive/0/n-49904/ (дата обращения: 28.01.2012).

Добролюбов – Некрасову. 23 августа (4 сентября) 1860 г. Дьепп. 1987. *Переписка Н. А. Некрасова*: в 2 т. Т. 1 (с. 353–354). М.: Худ. лит-ра.

Дугин, А. 2009. Конспирология. Великая война континентов. *Центр консервативных исследований*. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909020644.xhtml> (дата обращения: 29.01.2012).

Евдокимов, В. И. 1995. Предисловие. В: Мечников, Л., *Цивилизация и великие исторические реки*. Статьи (с. 5–28). М.: Прогресс, Пангея.

Игнатов, И. Н.

1906. *Гарибальди*. М.: Народное право.

2001. *Гарибальди*. М.: Вузовская книга. (2-е изд. 2009 г.)

Имя, подобное грому. 1989. В: Валовой, Д., Валовая, М., Лапшина, Г., *Дерзновение* (с. 172–192). М.: Молодая гвардия.

Кальма, Н.

1960. *Заколдованная рубашка*. М.: Детгиз.

1985. *Заколдованная рубашка. Джон Браун*. М.: Дет. лит-ра.

Карелин, Ю., Эйдельман, Н. 1984. Гарибальди и Россия. *Знание – сила* 12. URL: http://www.znanie-sila.ru/people/issue_59.html (дата обращения: 04.11.2011).

Касаткина, Т. Б. г. «Возрождение личности» в творчестве Ф. М. Достоевского: «восстановление в правах» и «восстановление в обязанностях». URL: http://archive.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=755&art_id=4000 (дата обращения: 18.01.2012).

Кин, Ц. И. 1973. *Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий*. М.: Наука.

Королев, А. 2004. Симбирск мог стать столицей Поволжья. *Симбирский курьер* 17 июля.

Кропоткин, П. П. 1988. *Записки революционера*. М.: Московский рабочий.

Лебедев, А. А. 1989. «Последняя религия». *Вопросы философии* 1: 35–55.

Ленин, В. И. 1979. Крах II Интернационала. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* Т. 26. *Июль 1914 – август 1915*. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Леонтьев, К. Н.

1880. *О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике*. URL: <http://www.vehi.net/leontev/dost.html> (дата обращения: 04.10.2011).

1882. *Страх Божий и любовь к человечеству. По поводу рассказа гр. Л. Н. Толстого «Чем люди живы»*. URL: http://az.lib.ru/1/leontxew_k_n/text_0320.shtml (дата обращения: 19.01.2012).

Липатова, Н., Голотин, А. 2011. Типизация как инструмент социальной инженерии: власть и общество в 1917–1925 гг. *Власть* 5: 92–94.

Лурье А. Я.

1938. *Гарибальди*. М.: Журн.-газет. объединение.

1957. *Гарибальди. 1807–1882*. М.: Молодая гвардия.

Милютин, Д. А. 1999. *Воспоминания. 1860–1862*. М.: Редакция альманаха «Российский Архив».

Мишле, Ж. 1965. *Народ*. Серия «Литературные памятники». М.: Наука.

Модена, К. 2009. *Джузеппе и Анита Гарибальди. История любви и сражений*. М.: Центр книги.

Муромцева, О. В. 2002. Жизнь и деятельность Гарибальди. Современный взгляд. *Новая и новейшая история* 1: 162–172.

Наследство графа Калиостро. Мафия и масоны. 2010. *Живое время* 13 июля. URL: <http://www.kriptoistoria.com/ring/index.php?pp=sh1qiqiwq4euk940gq7f=2&m=16522&tst=all&vt=list> (дата обращения: 04.11.2011).

Невлер, В. Е.

1936. *К истории воссоединения Италии*. М.: Госэкономиздат.

1937. *Джузеппе Гарибальди – герой итальянского народа*. М.: Соц-экгиз.

1957а. Дж. Гарибальди и прогрессивные деятели России. *Вопросы истории* 7: 71–86.

1957б. *Джузеппе Гарибальди – народный герой Италии*. М.: Политиздат.

1959. *Джузеппе Гарибальди – национальный герой Италии*. М.: Знание.

1961. *Джузеппе Гарибальди*. М.: Госполитиздат.

1963. *Эхо гарибальдийских сражений*. М.: Изд-во АН СССР.

1966. Дж. Гарибальди и его эпоха. В: Гарибальди, Дж., *Мемуары. Литературные памятники* (с. 398–419). М.: Наука.

1982. *Демократические силы в борьбе за объединение Италии, 1831–1860*. М.: Наука.

Островский, Н. 1955. Как закалялась сталь. В: Островский, Н., *Собр. соч.*: в 3 т. Т. 1. М.: ГИХЛ.

Памятник Д. Гарибальди в Таганроге. 2011. *Памятники Дона* 1 июня. URL: <http://www.voopiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/1665-2011-06-01-06-46-41> (дата обращения: 22.01.2012)

Паустовский, К. Г. 1935. *Романтики*. URL: <http://lib.aldebaran.ru> (дата обращения: 04.11.2011).

Порох, И. В. 1988. Декабрист Николай Васильевич Басаргин и его литературное наследие. В: Порох, И. В., *Н. В. Басаргин. Воспоминания, рассказы, статьи*. Серия «Полярная звезда». Документы и материалы (с. 3–46). Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд-во.

Прокофьев, В. 1987. Герцен. *Жизнь замечательных людей*. М.: Молодая гвардия.

Пуоимеж, Ж. де. 1999. *Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма*. М.: Языки русской культуры.

Русова, С. 1905. *Биография Дж. Гарибальди, освободителя Италии*. Ростов н/Д.: «Донская речь» Н. Парамонова.

Рюде, Дж. 1984. *Народные низы в истории. 1730–1848*. М.: Прогресс.

Савченко, В. А. 2000. *Авантюристы гражданской войны: историческое расследование*. Харьков: Фолио; М.: АСТ. URL: <http://militera.lib.ru/bio/savchenko/index.html> (дата обращения: 04.11.2011).

Салтыков-Щедрин, М. Е. 1973. Современная идиллия. В: Салтыков-Щедрин, М. Е., *Собр. соч.*: в 20 т. Т. 15. Кн. 1. М.: Худ. лит-ра.

Сергиевский, А. 2008. Мой Гарибальди. *Вестник Европы* 22. URL: magazines.russ.ru/vestnik/2008/22/se28.html (дата обращения: 31.01.2012).

Серова, О. В. 1996. Поход Гарибальди и российская дипломатия. *Россия и Италия*. Вып. 2 (с. 112–136). М.

Степняк, С. 1906. *Джузеппе Гарибальди. Биографический очерк.* СПб.: Издание Е. М. Алексеевой.

Цомакион, А. И. 1892. *Джузеппе Гарибальди. Его жизнь и роль в объединении Италии.* Биографический очерк. Биографическая библиотека Флорентия Павленского. СПб.

Чапаева, Е. 2005. *Мой неизвестный Чапаев.* М.: Корвет.

Шапиро, А. 1937. Рец. на книгу В. Невлера «К истории воссоединения Италии». *Исторический журнал* 5. URL: www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_read-me.php?subaction=showfull&id=1192038410&archive=start_from=&ucat=16&category=16 (дата обращения: 22.01.2012).

Bregel, Yu. 1996. Notes on the Study of Central Asia. Papers on Inner Asia. *Uralic & Altaic Series* 28.

Garibaldi – the mason. 2002. Transl. from Giuseppe Garibaldi Massone. Incontro delle Logge “Giuseppe Garibaldi” e convegno di studi. Relazione del Gran Maestro Gustavo Raffi. Grande Oriente d'Italia di Palazzo Giustiniani, Via di San Pancrazio, 8 – 00152 Roma. Trieste – 26 Ottobre 2002. *Grand Lodge of British Columbia and Yukon.* URL: http://freemasonry.bcy.ca/biography/garibaldi_g/garibaldi.html (дата обращения: 29.01.2012).

Guiseppe Parini. N.d. URL: <http://cronologia.leonardo.it/storia/biografie/parini.htm> (дата обращения: 19.08.2012).

Linz, J. 2002. *Fascism, Breakdown of Democracy, Authoritarian and Totalitarian Regimes: Coincidences and Distinctions.* Estudio. Working Paper 2002/179. URL: ceacs_publications_working_archives_2002_179.pdf (дата обращения: 31.01.2012).

Mussolini, B. 1932. *The Doctrine of Fascism.* URL: <http://www.racerealist.com/fascism.htm> (дата обращения: 31.01.2012).

Seton-Watson, C. 1967. *Italy from Liberalism to Fascism, 1870–1925.* New York: Taylor & Francis.